

И. М. Никольский^{abc}

ORCID: 0000-0001-6428-5357

✉ ivan.nikolsky@mail.ru

^a *Российский государственный гуманитарный университет
(Россия, Москва)*

^b *Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ
(Россия, Москва)*

^c *Институт всеобщей истории РАН (Россия, Москва)*

ДРАКОНЦИЙ КАК ПРОПАГАНДИСТ И ИСТОРИК: ДИДАКТИЧЕСКИЙ СМЫСЛ РИМСКОЙ ИСТОРИИ В «ХВАЛЕ ГОСПОДУ»

Аннотация. В статье предлагается новая интерпретация третьей книги богословской поэмы «Хвала Господу» (De Laudibus Dei) позднеантичного поэта из Карфагена Блоссия Эмилия Драконция. Обычно исследователи понимают ее как антиязыческий манифест. Однако сравнительный анализ с другими произведениями этого автора, среди которых мифологические поэмы «Похищение Елены», «Трагедия Ореста», «Медея», а также написанное в тюрьме в качестве стихотворной просьбы о помиловании «Искупление», показывает, что основной конфликт в этой части поэмы был далек от проблемы христианско-языческого противостояния, ее текст имел совершенно иную дидактическую окраску, вполне конкретные политические цели и конкретных адресатов. Выводы статьи позволяют пролить свет на взаимоотношения «интеллектуальной» римской и «силовой» вандалской группами элит в северной Африке рубежа V и VI вв.

Ключевые слова: вандалы, поздняя античность, Драконций, Карфаген, христианство, язычество

Для цитирования: Никольский И. М. Драконций как пропагандист и историк: дидактический смысл римской истории в «Хвале Господу» // Шаги/Steps. Т. 9. № 2. 2023. С. 57–67. <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2023-9-2-57-67>.

Статья поступила в редакцию 1 декабря 2022 г.

Принято к печати 11 января 2023 г.

I. M. Nikolsky^{abc}

ORCID: 0000-0001-6428-5357

✉ ivan.nikolsky@mail.ru

^a Russian State University for Humanities (Russia, Moscow)

^b The Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration
(Russia, Moscow)

^c Institute of World History, Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow)

DRACONTIUS AS PROPAGANDIST AND HISTORIAN: DIDACTIC MEANING OF ROMAN HISTORY IN *DE LAUDIBUS DEI*

Abstract. This article deals with the problem of interpreting the third book of the poem ‘Praises of God’ (*De Laudibus Dei*) by the late antique Carthaginian poet Blossius Aemilius Dracontius. Since the poem is formally of theological character, researchers usually regard it as a Christian anti-pagan manifesto. However, comparison with other works by Dracontius, including the epyllia ‘The Abduction of Helen’ (*De Raptu Helenae*), ‘The Tragedy of Orestes’ (*Orestis Tragoedia*), and ‘Medea’, as well as ‘The Atone-ment’ (*Satisfactio*), written in prison as a verse plea for mercy, allows us to see in it political allegories that highlight other challenges relevant to the author’s contemporary period. In particular, Dracontius has in mind the collapse of the Roman Empire and the emergence of barbarian kingdoms, the associated redistribution of spheres of influence, and the struggle for power between the old and new elites. Manipulating textbook historical and mythological plots, the Roman poet constructs a didactic model focused on both of these groups in the Vandal kingdom, one that allows him to consider himself a significant political influencer. The conclusions of the article shed light on the relationship between the “intellectual” Roman and the “military” Vandal noble groups in North Africa at the turn of the 5th and 6th centuries.

Keywords: Vandals, Late Antiquity, Dracontius, Carthage, Christianity, paganism

To cite this article: Nikolsky, I. M. (2023). Dracontius as propagandist and historian: Didactic meaning of Roman history in *De Laudibus Dei*. *Shagi / Steps*, 9(2), 57–67. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2023-9-2-57-67>.

Received December 1, 2022

Accepted January 11, 2023

«Хвала Господу» (*De Laudibus Dei*) — крупнейший труд позднеримского поэта Драконция, одного из представителей так называемого вандалского Ренессанса¹. В римской Африке, в V в. захваченной вандалами, несмотря на завоевание, возникла целая плеяда авторов, работавших как в прозаических жанрах (Фульгенций, Виктор Витенский), так и в поэтических (Катон, Луксорий, Флорентин, Флор). Творчество поэтов при этом видится довольно разрозненным; почти никто из них не оставил поддающегося систематизации наследия, а большинство произведений сохранились в виде отдельных фрагментов, опубликованных в сборнике «*Anthologia Latina*»². Драконций оказался в этом ряду счастливым исключением: его сочинения хорошо известны и неоднократно в полном объеме издавались, а поскольку они отчасти автобиографичны, оказалось возможным реконструировать и основные события из жизни поэта.

Она пришлась на вторую половину V в. и, возможно, начало VI в., т. е. на период, когда королевство вандалов окончательно оформилось как независимое от Рима политическое объединение, существовавшее в собственных североафриканских границах. Новые хозяева римских провинций находились в сложных отношениях с местной знатью. С одной стороны, ни ресурсов на то, чтобы выстроить новый административный аппарат, ни необходимых знаний у вандалов не было — что вынуждало их скорее адаптироваться к уже сложившейся в Африке системе управления, ключевые посты в которой принадлежали римской элите, чем адаптировать ее под себя. Официальным языком королевства был латинский; ключевые формулы, использовавшиеся для обозначения первых лиц государства, как и сам способ их передачи (например, легенды на монетах), были заимствованы у римлян³, образование варвары получали у них же. С другой стороны, фактор религиозных разногласий — арианство вандалов против кафоличества римлян, — как и просто политическая конкуренция, провоцировали гонения на местную знать со стороны вандалских *homines novi*⁴.

Жизнь Драконция можно считать прекрасной иллюстрацией к этим сложным отношениям. Потомок сенатора, обладатель звания «светлейшего мужа» (*vir clarissimus*), карфагенский поэт получил образование, научился риторике и поначалу успешно вел юридическую практику, разрешая споры в судах, а на досуге занимался литературным творчеством. Однако эксперименты с последним стоили Драконцию свободы. За некий неудачный текст, не сохранившийся, но предположительно панегирический по содержанию, его посадили в тюрьму. Как полагают, это произошло при короле Гунтамунде (484–496), третьем правителе вандалского королевства, заключение поэта длилось около десяти лет, а добиться освобождения ему удалось только при следующем короле, Тразамунде.

¹ Об этом понятии см., например: [Hays 2004; Hen 2007].

² Издан во второй половине XIX в. А. Ризе (A. Riese). Подробнее о нем см., например: [Гаспаров 2003].

³ Например, формула *dominus noster rex*, которой по образцу императоров обозначали себя вандалские короли. См. подробнее: [Friedlaender 1849: 8; Wroth 1911: 8–16].

⁴ Проблеме взаимоотношений элит в вандалском Карфагене посвящена внушительная литература. Обзор основных тенденций в ней можно найти в работе [Whelan 2018: 1–27].

Хронологически творчество поэта разделяют на три периода, соответствующих его основным жизненным этапам: дотюремный, тюремный и посттюремный⁵. К первому относят юношеские стихи, наподобие посвящения учителю грамматики Фелициану, или риторические упражнения, такие как, например, «Контroversия о храбром муже». Ко второму — обращенную к Гунтамунду стихотворную просьбу о помиловании (впрочем, безрезультатную), известную под названием «Искупление» (*Satisfactio*)⁶. К третьему — мифологические поэмы, посвященные хрестоматийным античным сюжетам: «Медея», «Похищение Елены», «Трагедия Ореста». «Хвала Господу», о которой пойдет речь в этой статье, предположительно так же, как и «Искупление», была написана в тюрьме, но нельзя исключать, что поэма создавалась в разные периоды жизни Драконция, хотя бы в силу ее значительного объема (более 2300 гекзаметрических строк).

Произведение, посвященное восхвалению Божьей милости, разделено на три книги; в первых двух пересказываются сюжеты из Ветхого и Нового Завета, а в третьей на примерах из библейской и античной мифологии и истории обсуждается вопрос об оправданности жертв. Задачи разграничить «миф» и «реальность» Драконций не ставит; его рассуждения — это чистая дидактика, в которой история — учительница жизни.

Общая идея вроде бы лежит на поверхности: любые жертвы ради истинной веры допустимы, а по другим мотивам — нет. Большинство исследователей так и трактуют смысл «Хвалы» и ее третьей книги⁷. Примеры, которыми римский поэт иллюстрирует свое умозаключение, также поначалу убеждают в простоте его логики: «положительным» библейским героям противопоставлены «дурные» античные. Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что идейное содержание поэмы устроено более сложно: античные персонажи образуют внутреннюю иерархию, в которой римляне стоят выше греков и карфагенян и далеко не всегда вызывают у автора полное отторжение⁸. Несмотря на то что главным двигателем всех «неправильных» поступков, совершенных язычниками, согласно Драконцию являются вредное честолюбие, погоня за престижем (они совершают убийства и самоубийства *pro laude sua* — ради собственной славы), римляне идут на жертвы, исходя исключительно из соображений целомудрия (*pudicitia*), интересов государства (точнее города — *Urbs*) и свободы (*libertas*). В их характеристике негативные эпитеты перемежаются с одобрительными: *pius civis* — *impius pater* (благочестивый гражданин — нечестивый отец); *novus horror* — *novus amor* (новый кошмар — новая любовь) и т. п. В изображении Драконция фигуры римлян скорее трагичны, чем отталкивающи; практически все их поступки можно назвать вынужденными, а мотивы — благородными.

⁵ По поводу основных этапов жизненного пути Драконция и периодизации его творчества в литературе в целом сложился консенсус. Из наиболее крупных работ, в которых производилась такая реконструкция, можно отметить, к примеру [Romano 1959; Bright 1987].

⁶ В русскоязычной традиции чаще фигурирует как «Оправдание».

⁷ См., например: [Гаспаров 1970: 118–119; Romano 1959: 53–73; Simons 2005: 115–155; Tommasei Moreschini 2010: 308; Labarre 2015].

⁸ См. об этом подробнее: [Никольский 2021].

Как видно, для его риторики характерна «воодушевляющая» линия, которую вполне можно отнести на счет проримской пропаганды. Драконций мог вести ее, чтобы поддержать оказавшихся под вандалской оккупацией соотечественников — дескать, даже в темные языческие времена потомки Энея оказывались нравственнее всех остальных. Другую, «критическую» линию она заслонить не в состоянии, но позволяет вычленить для отдельного изучения римский блок, в котором собраны лучшие из худших примеров.

Он занимает сравнительно небольшой объем в рамках третьей книги «Хвалы», примерно 150 строк (LD 3.322–467). Его образы заимствованы из Тита Ливия и не раз эксплуатировались античной традицией, например Цицероном или Валерием Максимом, причем как идеал самоотверженного поведения. Все они вполне хрестоматийны и их истории настолько хорошо должны были быть известны образованному читателю, что Драконций даже не всегда называет имена персонажей, порой предлагая аудитории самостоятельно определить, о ком идет речь.

Открывают этот ряд те, кто убил своих близких ради соблюдения закона или сохранения свободы и чести своего рода. Среди них Брут, казнивший детей за участие в антиреспубликанском заговоре; Виргиний, убивший дочь, чтобы не отдавать ее в наложницы Аппию Клавдию; Торкват, убивший сына за нарушение воинской дисциплины. Другая группа персонажей — покончившие с собой во имя спасения государства или торжества над врагом, по крайней мере морального. Это Курций Руф, отправившийся в Тартар, чтобы спасти Рим от последствий землетрясения; Регул, отказавшийся от обмена военнопленными с Карфагеном, который предпочел умереть, лишь бы римляне не отпускали врагов живыми; жители Сагунта и Нумансии, совершившие коллективное самоубийство, чтобы не попасть в плен к врагам (в случае с нумансийцами — самим римлянам). Немного особняком в этом ряду стоит Сцевола, чья жертва была не такой фатальной и состояла лишь в сожжении руки.

Попытки найти в этом отрывке религиозный подтекст, если рассматривать произведение Драконция не как упражнение в схоластике, а актуальное для его времени послание читателям, не выглядят убедительными. Религиозная составляющая современного ему конфликта между кафоликами-римлянами и арианами-вандалами носила совершенно иной характер и не выходила за пределы спора о сущности Христа. С другой стороны, и самого Драконция трудно причислить к религиозным фундаменталистам, борцам с язычниками, если иметь в виду хотя бы существование эпиграмм под его авторством⁹, в которых поэт в соответствии со всеми канонами жанра восхваляет Венеру и обращается к ней как к покровительнице новобрачных¹⁰.

⁹ Эпиграммы двум братьям (*Romulea* 6) и Иоанну и Витуле (*Romulea* 7), по всей видимости, также связаны с тюремным периодом жизни Драконция; во всяком случае поэт упоминает в них о своих невзгодах. См. подробнее: [Гаспаров 1970: 119, 124–127; Cichon 2015].

¹⁰ *Romulea* 6.22–23: «Ergo, Venus, te, docta, voco, facunda perita / per sensus te funde meos; tua gaudia fervent» (Тебя зову я, Венера, ученая, красноречивая, искусенная, / Разлейся моими чувствами; твоя радость бурлит); *Romulea* 7.10: «Cantarem quia Cypris adest, bona mater Amorum» (Я бы воспел, как приходит Киприда, Амурова благая мать). Такие воззвания не были чем-то из ряда вон выходящим для позднеантичных, в том числе христианских авторов (см.: [Pavlovskis 1965; Roberts 1989]), но идею о радикальном

Не менее уязвимой выглядит и интерпретация этого фрагмента с точки зрения фатализма в исторической концепции Драконция. Подобное объяснение приводит немецкая исследовательница Зильке Дидерих, которая обнаружила параллель между Ромулом и Ремом, с одной стороны, а с другой, Каином и Авелем во второй книге «Хвалы» и предположила, что вся римская история из-за этого братоубийства должна была будто бы изображаться не иначе как проклятой¹¹. Но трагической римскую историю — как она показана в третьей книге «Хвалы» — делала не какая-то предопределенность и не религиозная принадлежность действующих лиц, а их воля и личный выбор в том, как реагировать на происходящее вокруг.

Если отвлечься от формы религиозного диспута, в которой предстает третья книга «Хвалы», ее основная тема сведется к избыточному насилию. Особенно показательны истории героев из группы «мстителей» — Брута, Виргиния и Торквата. Сколь правильными ни казались бы им самим совершенные убийства, счастья или удовлетворения ни они, ни окружающие от этого не получают; сами убийцы скорбят, Рим погружается в траур¹². Другое последствие их действий — гибель невинных, среди которых очевидным образом оказываются «выдающаяся дева» (*eximia virgo*) Виргиния и карфагенские пленники, убитые «неумолимым» (*inexorabilis*) решением Регула¹³.

Никакие пороки персонажей-provokаторов — например, похоть Аппия Клавдия, обозначенная как *libido* и *voluptas*, — не могли служить оправданием этой жестокости. Характерный терминологический штрих: в уже упомянутых эпиграммах, помимо обращения к Венере, Драконций восхваляет (!) те самые *libido* и *voluptas* и желает их молодоженам¹⁴. Несмотря на то что сам жанр свадебной песни предполагает совершенно иной контекст, нежели в «Хвале», очевидно, что сами по себе проявления сексуальности для карфагенского поэта чем-то табуированным не были и роль абсолютного зла играть не могли. И, видимо, хоть в преступных формах осуждались, но не так сильно, как убийство из мести.

Похожие идеи транслируются и в мифологических поэмах — «Медее», «Похищении Елены» и «Трагедии Ореста». В свое время я уже неоднократно останавливался на этих произведениях и проблеме их интерпретации¹⁵, так что лишь коротко повторю основное. В основе сюжета каждого из них стоит супружеское вероломство (Ясона, Елены, Клитемнестры) и наказание или месть за него. Возмездие при этом точно так же не приносит радости мстящим и является проявлением «безумия» (*furor*), а также приводит к лишним жертвам и гибели ни в чем не повинных людей. В Троянской войне суждено погибнуть греческим героям, не имеющим никакого отношения к любовному

антиязыческом настрое Драконция их присутствие все же ставит под сомнение — тем более, что и о других языческих божествах, например Минерве и Юноне, говорится здесь во вполне нейтральном, даже благожелательном тоне (*Romulea* 7.61–62).

¹¹ См. подробнее: [Diederich 2019: 268].

¹² LD 3.355–361, 370–395.

¹³ LD 3.352, 422–425.

¹⁴ Набор определений *libido* и *voluptas* следующий: *casta* ‘чистая’, *moderata* ‘умеренная’, *iusta* ‘праведная’ (*Romulea* 6.60–61, 7.59).

¹⁵ См., например: [Никольский 2019a; 2019b].

треугольнику Парис — Елена — Менелай, а Медея в ярости убивает не только соперницу, но и собственных детей.

Косвенно уже это могло бы объяснить основной посыл «Хвалы» пацифистским настроем автора и его приверженностью принципу непротivления злу насилием. Однако гораздо больше ответов на вопросы о дидактике Драконция и ее потенциальных объектах дает хронологически и риторически близкое к «Хвале» «Искупление»: оба произведения изобилуют жалобами на тяготы тюремного заключения и обращениями к Богу как единственному надежному избавителю от мук¹⁶.

Во-первых, по самому факту существования «Искупления» можно констатировать, что аудитория карфагенского поэта не ограничивалась римлянами; среди его читателей была и вандалская знать, обучавшаяся с римскими интеллектуалами по одной программе¹⁷. Это означает, что определенный расчет у Драконция был и на то, что его дидактический пафос будет воспринят в числе прочего варварами.

Во-вторых, представляют интерес акценты в прошении карфагенского поэта. Обращаясь к вандалскому королю с просьбой о помиловании, он заявляет: «Так долго гневаться — не красит милостивого [правителя]»¹⁸ — и продолжает мягко укорять адресата своего послания, сравнивая его с животными и силами природы, которые никогда себя так не ведут. Среди примеров для сравнения лев, готовый простить сдавшегося охотника¹⁹ и не замечающий мелкую добычу; тигрица, не трогающая пастухов; орел, обходящийся без воробьев и ласточек; дракон, не интересующийся грызунами, и молнии, сходящие низко растущую траву²⁰. В устах Драконция это не просто великодушные сильного; таким образом он осуждает неоправданно жестокую гиперреакцию на проступок, от которой мучаются невинные — в частности, близкие поэта, страдающие от голода и лишений²¹. Король даже оказывается недостойн своего более милостивого предка²².

Собственные проступки, за которые Драконций критикует себя самого²³, отходят в контексте такой риторики на второй план по сравнению с непропорциональным наказанием — как и проступки и пороки героев «Хвалы».

С другой стороны, в «Искуплении» показаны и ролевые модели хорошего поведения, а именно демонстрация милосердия, прощения и пощады, — при-

¹⁶ Cf. LD 3.625 sqq.; *Sat.* 1–106, 312–316.

¹⁷ Упоминания о совместном обучении вандалов и римлян можно встретить у того же Драконция, в посвящении Фелициану Грамматику (*Romulea* 1.1–16).

¹⁸ *Sat.* 120: «Tempore tam longo non decet ira pium».

¹⁹ *Sat.* 137–150.

²⁰ *Sat.* 265–270, 275–277.

²¹ *Sat.* 282–285: «Ecce etiam insontes noxia poena petit. / Si ipse ego peccavi, quatenam est, rogo, culpa meorum, / quos simul exagitat frigus inopsque fames?» ([Ho] вот! Вредоносная кара преследует даже безвинных. / Если я сам согрешил, то хочу спросить: / В чем же вина моих [близких], которых тоже мучает холод, голод и нужда?).

²² *Sat.* 299–300: «Inclitus armipotens, pietatis vestrae origo, / et doctus, genio pronior ad veniam» (Предок вашей милости, [человек] славный, могучий оружием и ученый по духу был больше склонен прощать). По всей видимости, речь идет об основателе королевства Гейзерихе.

²³ Имеется в виду высказанное им сожаление о том самом пропавшем тексте, ставшем причиной ареста (*Sat.* 93–94).

чем Драконций заимствует эти модели не только из библейской традиции, в лице Давида и Соломона (*Sat.* 157–170), но и из римской, дохристианской. Цезарь, Август, Тит и Коммод (*Sat.* 175–190) предстают не менее значимыми образцами, чем ветхозаветные цари, и своим появлением только подтверждают, что особенной ненависти к языческому Риму у Драконция не было, а любые примеры из римской истории могли служить средством дидактики, адресованной вандалам.

Все это перекликается и с рассуждениями о милосердии и миролюбии римлян, волей-неволей проскальзывающими в «Хвале», несмотря на ее показной скептицизм по отношению к языческой античности. Нумансийцы, отказываясь сдаваться римлянам, совершают ошибку потому, что «победитель любит щадить» (*parcere victor amat*) и действует исключительно во благо своим покоренным оппонентам²⁴. Регул, из-за которого погибли карфагенские пленники, нарушивший этот принцип милосердного отношения к побежденным, оказывается в римском ряду Драконция абсолютным изгоем, который, в отличие от остальных, погряз не только семейные и общечеловеческие, но и государственные ценности (*contempsit Urbem*, букв. «презрел Город») ²⁵. Это восхваление римского милосердия и осуждение его отсутствия тоже могли иметь своей целью не только превознесение римлян, но и «обучение» вандалов — коль скоро у текста могли быть и такие читатели, ориентирующиеся на римские образцы.

Тема противопоставления христиан и язычников, номинально основная для третьей книги «Хвалы», оказывается в этом случае не более чем удобной ширмой, предлогом для важного рассуждения о милосердии. Очевидно, именно оно стало центральной темой в политической дидактике Драконция. При этом ключевой аудиторией становилась вандалская знать, включая короля, в руках которой находились хоть и не все рычаги управления, но точно весь репрессивный инструментарий. Весьма вероятно, что главную системную ошибку римской истории в виде гиперреакции, непропорционально мощного насилия и наказаний, несоизмеренных преступлением, Драконций стремился донести именно до таких читателей. Примеры «неправильного» поведения в «Хвале» в этом смысле хорошо дополняли «правильные» образцы милосердных правителей из «Искупления». Помимо личной задачи собственного освобождения карфагенский поэт таким образом пытался решить и задачу общественно-политическую — прекращения преследований римлян со стороны вандалской знати как явления, что с его точки зрения обеспечило бы мир в Северной Африке.

Источники

LD — *Blossius Aemilius Dracontius. De Laudibus Dei. Libri I–III // Monumenta Germaniae Historica. Auctores antiquissimi. Bd. 14. Berlin: Weidmann, 1905. S. 23–113; Dracontius. Œuvres. T. 1: Louanges de Dieu, Livres I et II / Texte établi et traduit par C. Moussy et C. Camus. Paris: Les Belles Lettres, 1985; T. 2: Louanges de Dieu, Livre III. Réparation / Texte établi et traduit par C. Moussy. Paris: Les Belles Lettres, 1988. P. 7–140.*

²⁴ LD 3.454–461.

²⁵ LD 3.426.

- Romulea 1* — Praefatio Dracontii discipuli ad grammaticum Felicianum // Monumenta Germaniae Historica. Auctores antiquissimi. Bd. 14. Berlin: Weidmann, 1905. S. 132; *Dracontius*. Œuvres. T. 3: La Tragédie d'Oreste. Poèmes profanes I–V / Texte établi et traduit par J. Bouquet; Introduction par J. Bouquet, É. Wolff. Paris: Les Belles Lettres, 1995. P. 134–135.
- Romulea 6* — Blossius Aemilius Dracontius. Epithalamium in fratribus dictum / Ed. F. Vollmer // Monumenta Germaniae Historica. Auctores antiquissimi. Bd. 14. Berlin: Weidmann, 1905. S. 148–151; *Dracontius*. Œuvres. T. 4: Poèmes profanes VI–X. Fragments / Texte établi et traduit par É. Wolff. Paris: Les Belles Lettres, 1996. P. 1–5.
- Romulea 7* — Blossius Aemilius Dracontius. Epithalamium Ioannis et Vitulae / Ed. F. Vollmer // Monumenta Germaniae Historica. Auctores antiquissimi. Bd. 14. Berlin: Weidmann, 1905. S. 152–156; *Dracontius*. Œuvres. T. 4: Poèmes profanes VI–X. Fragments / Texte établi et traduit par É. Wolff. Paris: Les Belles Lettres, 1996. P. 6–12.
- Sat.* — Blossius Aemilius Dracontius. Satisfactio ad Gunthamundum regem Wandalorum / Ed. F. Vollmer // Monumenta Germaniae Historica. Auctores antiquissimi. Bd. 14. Berlin: Weidmann, 1905. S. 114–131; *Dracontius*. Œuvres. T. 2: Louanges de Dieu, Livre III. Réparation / Texte établi et traduit par C. Moussy. Paris: Les Belles Lettres, 1988. P. 141–224.
- ## Литература
- Гаспаров 1970 — Гаспаров М. Л. Драконтий // Памятники средневековой латинской литературы IV–IX веков / Отв. ред. М. Е. Грабарь-Пассек, М. Л. Гаспаров. М.: Наука, 1970. С. 118–127.
- Гаспаров 2003 — Гаспаров М. Л. «Латинская Антология» в вандалском Карфагене // Поэты «Латинской Антологии» / Вступ. ст. М. Л. Гаспарова; Сост. и примеч. М. Л. Гаспарова, Ю. Ф. Шульца; Общ. ред. М. Л. Гаспарова. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2003. С. 3–11.
- Никольский 2019a — Никольский И. М. Политический дискурс в «Похищении Елены» Драконция. Исторические заметки // Диалог со временем. Вып. 67. 2019. С. 273–282.
- Никольский 2019b — Никольский И. М. Политический смысл «Меден» Драконция // Вестник древней истории. Т. 79. № 2. 2019. С. 327–334. URL: <https://doi.org/10.31857/S032103910005037-3>.
- Никольский 2021 — Никольский И. М. Христианский апологет или римский патриот? Драконций и exempla viroгum в его «Хвале Господу» (LD III. 250–467) // Вестник древней истории. Т. 81. № 3. 2021. С. 649–658. URL: <https://doi.org/10.31857/S032103910011314-8>.
- Bright 1987 — Bright D. F. The miniature epic in Vandal Africa. Norman: Univ. of Oklahoma Press, 1987.
- Cichoń 2015 — Cichoń N. Obraz niedoli w pieśni weselnej, czyli epitalamia Drakoncjusza jako przykład jego nowatorstwa // Collectanea Philologica. T. 18. 2015. S. 79–89.
- Diederich 2019 — Diederich S. Dracontius auf Konfrontationskurs: Widerständige Positionen in “De laudibus Dei” // Dichtung zwischen Römern und Vandalen. Tradition, Transformation und Innovation in den Werken des Dracontius / Hrsg. von K. Pohl. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2019. S. 261–272.
- Friedlaender 1849 — Friedlaender J. Die Münzen der Vandalen. Leipzig: Georg Wigand Verlag, 1849.
- Hays 2004 — Hays G. ‘Romuleis Libicisque Litteris’: Fulgentius and the ‘Vandal Renaissance’ // Vandals, Romans and Berbers: New perspectives on Late Antique North Africa / Ed. by A. Merrills. Aldershot: Ashgate, 2004. P. 101–132.
- Hen 2007 — Hen Y. Roman Barbarians: The royal court and culture in the Early Medieval West. Basingstoke; New York: Palgrave Macmillan, 2007.

- Labarre 2015 — *Labarre S.* Dracontius et les ‘crimes’ des héros païens: historiographie, quête du salut et drames humains // *Littérature, politique et religion en Afrique vandale* / Ed. É. Wolff. Paris; Turnhout: Brepols, 2015. P. 229–242.
- Pavlovskis 1965 — *Pavlovskis Z.* Statius and the Late Latin epithalamia // *Classical Philology*. Vol. 60. No. 3. 1965. P. 164–177.
- Roberts 1989 — *Roberts M.* The use of myth in Latin epithalamia from Statius to Venantius Fortunatus // *Transactions of the American Philological Association* (1974–2014). Vol. 119. 1989. P. 321–348.
- Romano 1959 — *Romano D.* Studi Draconziani. Palermo: U. Manfredi editore, 1959.
- Simons 2005 — *Simons R.* Dracontius und der Mythos. Christliche Weltansicht und pagane Kultur in der ausgehenden Spätantike. München: K. G. Saur, 2005.
- Tommasi Moreschini 2010 — *Tommasi Moreschini Ch. O.* Roman and Christian history in Dracontius’ *De Laudibus Dei* // *Papers presented at the Fifteenth International Conference on Patristic Studies held in Oxford, 2007* / Ed. by J. Baun, A. Cameron, M. J. Edwards, M. Vinzent. Leuven; Paris; Walpole: Peeters, 2010. P. 303–308. (*Studia Patristica*; 44–49).
- Whelan 2018 — *Whelan R.* Being Christian in Vandal Africa: The politics of orthodoxy in the post-imperial West. Oakland: Univ of California Press, 2018.
- Wroth 1911 — *Wroth W.* Catalogue of the coins of the Vandals, Ostrogoths and Lombards, and of the Empires of Thessalonica, Nicaea and Trebizond in the British Museum. London: Printed by order of the Trustees, 1911.

References

- Bright, D. F. (1987). *The miniature epic in Vandal Africa*. Univ. of Oklahoma Press.
- Cichoń, N. (2015). Obraz niedoli w pieśni weselnej, czyli epitalamia Drakoncjusza jako przykład jego nowatorstwa. *Collectanea Philologica*, 18, 79–89. (In Polish).
- Diederich, S. (2019). Dracontius auf Konfrontationskurs: Widerständige Positionen in ‘De laudibus Dei’. In K. Pohl (Ed.). *Dichtung zwischen Römern und Vandalen. Tradition, Transformation und Innovation in den Werken des Dracontius* (pp. 261–272). Franz Steiner Verlag. (In German).
- Friedlaender, J. (1849). *Die Münzen der Vandalen*. Georg Wigand Verlag. (In German).
- Gasparov, M. L. (1970). Drakontii [Dracontius]. In M. E. Grabar’-Passek, & M. L. Gasparov (Eds.). *Pamiatniki srednevekovoi latinskoj literatury IV–IX vekov* (pp. 118–127). Nauka. (In Russian).
- Gasparov, M. L. (2003). “Latinskaja Antologija” v vandal’skom Karfagene [*Latin Anthology in Vandal Carthage*]. In M. L. Gasparov (Ed., Intro.), M. L. Gasparov, & Ju. F. Shul’ts (Comp., Notes). *Poety latinskoj antologii*. (pp. 3–11). Izd-vo Mosk. un-ta. (In Russian).
- Hays, G. (2004). ‘Romuleis Libicisque Litteris’: Fulgentius and the ‘Vandal Renaissance’. In A. Merrills (Ed.). *Vandals, Romans and Berbers: New perspectives on Late Antique North Africa* (pp. 101–132). Ashgate.
- Hen, Y. (2007). *Roman Barbarians: The royal court and culture in the Early Medieval West*. Palgrave Macmillan.
- Labarre, S. (2015). Dracontius et les ‘crimes’ des héros païens: historiographie, quête du salut et drames humains. In É. Wolff (Ed.). *Littérature, politique et religion en Afrique vandale* (pp. 229–242). Turnhout. (In French).
- Nikolsky, I. M. (2019a). Politicheskii diskurs v “Pokhishchenii Eleny” Drakontsiia: istoricheskie zametki [Political discourse in Dracontius’ *De Raptu Helenae*: historical notes]. *Dialog so vremenem*, 67, 273–282. (In Russian).
- Nikolsky, I. M. (2019b). Politicheskii smysl “Medei” Drakontsiia [Political meaning of Dracontius’ *Medea*]. *Vestnik drevnei istorii*, 79(2), 327–334. <https://doi.org/10.31857/S032103910005037-3>. (In Russian).

- Nikolsky, I. M. (2021). Khristianskii apologet ili rimskii patriot? Drakontsii i exempla virorum v ego "Khvale Gospodu" (LD III. 250–467) [Christian apologist or Roman patriot? Dracontius and the exempla virorum in his De Lavdibvs Dei (LD III. 250–467). *Vestnik drevnei istorii*, 81(3), 649–658. <https://doi.org/10.31857/S032103910011314-8>. (In Russian).
- Pavlovskis, Z. (1965). Statius and the Late Latin epithalamia. *Classical Philology*, 60(3), 164–177.
- Roberts, M. (1989). The use of myth in Latin epithalamia from Statius to Venantius Fortunatus. *Transactions of the American Philological Association* (1974–2014), 119, 321–348.
- Romano, D. (1959). *Studi Draconziani*. U. Manfredi editore. (In Italian).
- Simons, R. (2005). *Dracontius und der Mythos. Christliche Weltsicht und pagane Kultur in der ausgehenden Spätantike*. K. G. Saur. (In German).
- Tommasi Moreschini, Ch. O. (2010). Roman and Christian history in Dracontius' De Laudibus Dei. In J. Baun, A. Cameron, M. J. Edwards, & M. Vinzent (Eds.). *Papers Presented at the Fifteenth International Conference on Patristic Studies held in Oxford, 2007* (pp. 303–308). Peeters.
- Whelan, R. (2018). *Being Christian in Vandal Africa: The politics of orthodoxy in the post-imperial West*. Univ of California Press.
- Wroth, W. (1911). *Catalogue of the coins of the Vandals, Ostrogoths and Lombards, and of the empires of Thessalonica, Nicaea and Trebizond in the British Museum*. Printed by order of the Trustees.

* * *

Информация об авторе

Иван Михайлович Никольский

кандидат исторических наук,
доцент, кафедра классической
филологии, Российский государственный
гуманитарный университет
Россия, 125993, Москва, Миусская пл., д. 6
Тел.: +7 (495) 250-69-38
доцент, кафедра всеобщей истории,
Институт общественных наук,
Российская академия народного
хозяйства и государственной службы при
Президенте РФ
Россия, 119571, Москва, пр-т
Вернадского, д. 82
Тел.: +7 (499) 956-96-47
научный сотрудник, Институт всеобщей
истории РАН
Россия, 119334, Москва, Ленинский пр-т,
д. 32а
Тел.: +7 (495) 954-44-82
✉ ivan.nikolsky@mail.ru

Information about the author

Ivan M. Nikolsky

Cand. Sci. (History)
Assistant Professor, Department of Classical
Philology, Russian State University for the
Humanities
Russia, 125993, Moscow, Miusskaya Sq., 6
Tel.: +7 (495) 250-69-38
Assistant Professor, Department of World
History, Institute of Social Sciences, The
Russian Presidential Academy of National
Economy and Public Administration
Russia, 119571, Moscow, Prospekt
Verenskogo, 82
Tel.: +7(499)956-96-47
Researcher, Institute of World History,
Russian Academy of Sciences
Russia, 119334, Moscow, Leninsky Prospekt,
32a
Tel.: +7(495)954-44-82
✉ ivan.nikolsky@mail.ru